

РЕЦЕНЗИИ И АННОТАЦИИ

Труженики науки

К.Г. МИХАЙЛОВ

Московский государственный университет, Москва, Россия;
mikhailov2000@gmail.com

Биологам Московского университета посвящены десятки книг и буквально сотни публикаций. Давно изданы и широко известны академические очерки жизни Н.К. Кольцова и его учеников и соратников: А.С. Серебровского, А.Н. Формозова, С.С. Четверикова и многих других.

Однако, помимо блестящих учёных и преподавателей первого ряда, в нашем университете работали и работают сотни более скромных тружеников науки, биографии которых при поверхностном взгляде можно было бы счесть за рядовые. Но это далеко не так. Жизнь и труды множества ярких личностей ничуть не менее интересны, особенно в контексте непростой и временами трагической истории нашей страны в XX столетии.

Яков Авадьевич Бирштейн — известный специалист по зоологии беспозвоночных, доктор биологических наук, прекрасный лектор и педагог Московского университета. Как и многие яркие личности, он скончался, не дожив до 60 лет. О нём написал книгу сын, Вадим Яковлевич Бирштейн, вот уже более 20 лет проживающий в США¹. Глубоко прочувствованное предисловие к этой книге написано профессором кафедры экологии МГУ Алексеем Меркурьевичем Гиляровым, одним из учеников Я.А.

События жизни Я.А. Бирштейна представлены на фоне истории нашей страны. Автор книги, диссидент, подаёт эту историю довольно выборочно и пристрастно, делая особый упор на враждебное отношение советской партийной бюрократии к

¹ *Бирштейн В.Я.* Мой отец Яков Авадьевич Бирштейн. М.: Новый хронограф, 2012. 232 с.

независимой науке и независимым учёным, а также на государственный антисемитизм позднесталинского периода. Между тем кратный рост финансирования науки и соответственно числа научных работников в послевоенные годы очевиден и не может подвергаться сомнению. Советское государство давало деньги и за эти деньги требовало результатов и послушания со стороны учёных, хотя это последнее в корне противоречит сути научной деятельности. С другой стороны, учёные в своих дискуссиях не брезговали использовать политические лозунги, и эта дурная практика была прекращена, похоже, только в 1960-е гг., вместе с уменьшением политического давления на естественные науки. Относительно антисемитизма — приходится с горечью признать, что это постыдное явление действительно имело место в нашей истории, и отнюдь не только на бытовом уровне.

Почти вся жизнь Якова Авадьевича Бирштейна связана с Московским университетом — сначала учёба в 1928–1932 гг., затем преподавание — доцент с 1941 г., профессор с 1954 г. и до конца жизни. Одновременно в 1940–50-е гг. Я.А. преподавал также и в Ярославле, в местном педагогическом институте. Лекции Я.А. отличались яркостью и оригинальностью, в книге приведены отзывы восторженных слушателей. На лекции по зоологии беспозвоночных, которые Я.А. читал первокурсникам в конце 1960-х гг., сбегались буквально все студенты факультета (С.И. Головач, личное сообщение). Остаётся сожалеть, что материалы лекций так и остались неопубликованными, кроме учебника по зоогеографии, изданного в 1946 г.²

В научной работе Я.А. Бирштейна можно выделить три основных направления. Первое — это карцинология, изучение фауны и систематики ракообразных животных (класс Crustacea). Я.А. был специалистом по равноногим ракам (отряд Isopoda), исследовал как пресноводную, так и глубоководную фауну. Он описал и назвал более сотни новых для науки видов, новые роды и новые семейства ракообразных. В одной из недавних научных статей переописан типовой материал 37 видов одних только морских планктонных рачков-бокоплавов отряда Amphipoda, хранящихся в Зоологическом музее МГУ и описанных Я.А. с 1955 по 1970 г.³ Я.А. — автор тома престижного издания «Фауна СССР» по пресноводным изоподам (1951)⁴ и монографии по глубоководным изоподам северо-западной части Тихого океана (1963)⁵. Обе эти книги впоследствии были переведены на английский язык, первая — в Израиле⁶, вторая — в Индии⁷.

Второе направление — изучение пещерной фауны, раздел спелеологии — науки о пещерах. Эти исследования были развёрнуты в СССР в самом конце 1930-х гг. и особенно широко в 1950–60-е гг. Я.А. Бирштейн активно участвовал в непростых

² Бобринский Н.А., Зенкевич Л.А., Бернштейн Я.А. География животных. М.: Советская наука, 1946. 455 с.

³ Виноградов Г.М., Виноградов М.Е. Типовые экземпляры пелагических амфипод (Crustacea: Amphipoda), описанных Я.А. Бирштейном и М.Е. Виноградовым, хранящихся в Зоологическом музее МГУ // Зоология беспозвоночных. 2006. Т. 3. Вып. 1. С. 53–64.

⁴ Бирштейн Я.А. Пресноводные ослики (Asellota) // Фауна СССР. Ракообразные. Т. 7. Вып. 5. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1951. 143 с.

⁵ Бирштейн Я.А. Глубоководные равноногие ракообразные (Crustacea, Isopoda) северо-западной части Тихого океана. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 214 с.

⁶ Birstein Ya.A. Freshwater Isopods (Asellota). Jerusalem: Israeli Program for Scientific Translations, 1964. 148 p.

⁷ Birstein Ya.A. Deep Water Isopods (Crustacea, Isopoda) in the North-Western Part of the Pacific Ocean. New Delhi: Indian National Scientific Documentation Center, 1973. 316 p.

спелеологических экспедициях в Крым и на Кавказ, описывал виды пещерной фауны и (об этом в книге не написано) организовал большую, более 40 пронумерованных выпусков, серию статей “*Biospeologica sovetica*”, которые выходили в основном в «Бюллетене Московского общества испытателей природы. Отдел биологический» и совсем немного в «Зоологическом журнале» и некоторых других изданиях с 1940 по 1973 г.⁸ К сожалению, после кончины Я.А. широкие исследования по пещерной фауне были во многом свёрнуты, оставшись делом немногих энтузиастов.

Третье направление — работы по зоогеографии. Это новые для своего времени идеи о реликтах, вошедшие в докторскую диссертацию Я.А. Бирштейна, защищённую в 1947 г., и теория древности глубоководной фауны, многое-многое другое, о чём написано в книге.

Особое направление по акклиматизации видов в исходно чуждые им местообитания, модное в 1930-е гг., я бы назвал «практической зоогеографией». И здесь Я.А. Бирштейн вместе с большим коллективом исследователей прославился внедрением черноморского червя нереис в Каспийское море. Практическая часть работы была проведена в предвоенные годы, в первую очередь для улучшения кормовой базы осетровых рыб. Исследования по влиянию нереиса на экосистемы Каспия продолжались и после войны. Не обошлось без склоки и скандала. Профессор кафедры дарвинизма Николай Владимирович Лебедев обвинил Я.А. Бирштейна во вредительстве — якобы хищный нереис, напротив, подорвал кормовую базу осетровых рыб. Но в конечном счёте, после долгих дискуссий, несмотря на организационный перевес Лебедева (он состоял в ВКП(б)—КПСС и был сторонником прославляемого тогда «творческого дарвинизма»), победа заслуженно осталась за Я.А.

К сожалению, Я.А. Бирштейн не слишком много публиковался на иностранных языках, а с 1936 по 1954 г. все его работы изданы на русском языке. Это связано со спецификой организации советской науки в те годы, когда даже общение с зарубежными коллегами было затруднено, а публиковаться заставляли исключительно по-русски или на языках народов СССР; в послевоенные годы из статей и книг исчезли даже резюме на иностранных языках, принятые в 1930-е гг.

Более того, даже в 1960-е гг. Я.А. Бирштейна, несмотря на многочисленные приглашения, не пускали за рубеж, в западные страны. Не давали «добро» партийные органы. Удалось совершить только несколько поездок в «дружественные» страны, от Югославии до Индии, да совершить несколько заходов в тихоокеанские порты во время экспедиций на прославленном «Витязе». А в 1958 г. Я.А., командированного на Международный зоологический конгресс, сняли с самолёта, вылетающего в Лондон, и заменили его на Владимира Евгеньевича Соколова (1928–1998), будущего крупного организатора советской биологической науки, тогда только начинавшего свою блистательную карьеру. Это ещё одна некрасивая страница нашей недавней истории.

Вызывает зависть общий культурный уровень того поколения учёных, к которому принадлежит Я.А. Бирштейн. Это и знание иностранных языков, и знакомства в кругах

⁸ См. напр. Харитонов Д.Е. Пауки и сенокосцы из пещер Черноморского побережья Кавказа (*Biospeologia Sovietica VIII*) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1947. Т. 52. Вып. 1. С. 15–28; Боруцкий Е.В. *Biospeologica sovetica XXXII*. О роде *Nitocrella* Chappuis (Copepoda, Harpacticida) // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел биологический. 1967. Т. 72. Вып. 3. С. 32–39.

гуманитарной интеллигенции. Так, Я.А. был близко знаком с широким кругом лиц, начиная с выдающегося художника Роберта Рафаиловича Фалька и заканчивая Анной Васильевной Гимирёвой, гражданской женой А.В. Колчака.

От себя добавлю, что Я.А. Бирштейну повезло с учениками, особенно по линии карцинологии. В Зоологическом музее МГУ работал Михаил Владимирович Гептнер (1940–2002), который, подражая Я.А., курил примерно такую же трубку. На кафедре зоологии беспозвоночных до сих пор трудится Николай Алексеевич Заренков, который в последние годы тяготеет к решению общебиологических проблем. В Акустическом институте много лет проработала Юлия Георгиевна Чиндонова (ныне на пенсии), но её основное рабочее место было всё же на кафедре в МГУ. Нельзя не упомянуть и таких превосходных специалистов по морским ракообразным, как академик Михаил Евгеньевич Виноградов (1927–2007) и безвременно погибший Родион Родионович Макаров (1937–1994). «Внук» Я.А. — Василий Альбертович Спиридонов, ученик Н.А. Заренкова и Р.Р. Макарова — работает в Институте океанологии РАН, недавно успешно защитил докторскую диссертацию. Линия спелеологии развивалась менее удачно — Станислав Иванович Лёвушкин, много работавший совместно с Я.А. в 1960-е гг., позднее отошёл от этой тематики, но до последнего времени состоял доцентом кафедры и активно участвовал в преподавании.

Книга написана живо, даже художественно, с множеством бытовых подробностей, и читается с удовольствием. К чести автора книги, он старается не выпячивать значение своей фигуры на фоне яркой личности своего отца.

После текста воспоминаний размещены полезные справочные материалы — список таксонов (виды, роды, даже подсемейство!) животных, названных в честь Я.А. Бирштейна, список его публикаций, биографии «основных лиц, упомянутых в тексте» (числом 31). А завершает книгу алфавитный именной указатель, которого так часто не хватает в подобных изданиях. Жаль, что нет солидного списка видов, родов и других таксонов, описанных самим Я.А.

В конце книга снабжена подробнейшей аннотацией на английском языке, занимающей целых 12 страниц. Список публикаций Я.А. также переведен на английский язык. Очевидно, эти материалы предназначены тому редкому англоязычному читателю, который возьмёт в руки эту русскоязычную книгу. На мой взгляд, эти материалы имело бы смысл опубликовать отдельно в одном из многочисленных зарубежных изданий, посвящённых истории науки.

Текст книги тщательно вычитан, опечаток на удивление мало. В моём экземпляре одна досадная опечатка в предисловии исправлена автором предисловия шариковой ручкой. Нижняя фотография на с. 79 относится явно не к 1949 г., как там указано, а к 1960-м гг. Кое-где напутаны инициалы: правильно — В.Н. (Всеволод Николаевич), а не С.В. Столетов (с. 136, сноска), есть и другие примеры. Некоторые имена отсутствуют в алфавитном указателе.

Недостатков в оформлении книги немного. Собственно художественное оформление оригинально, каждый абзац непривычно начинается с «обратной» красной строки, как в списке литературы. Но нигде не указано, что именно изображено на обложке, — очевидно, по вине издательства, а не автора. Это портрет Я.А. Бирштейна работы его брата, М.А. Бирштейна (В.Я. Бирштейн, личное сообщение).

Возможно, книга написана недостаточно беспристрастно. Но именно в этом её изюминка. Такого рода издание, основанное не только на документах, но и на личных воспоминаниях — прекрасный источник материала для историка науки.